

Андрей Юрьев

Холод, или Взгляд Змеи

«She's got it!»

Андрей Геннадьевич Юрьев

Холод, или Взгляд Змеи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17034925

ISBN 9785447443948

Аннотация

Любовь или жалость? Честность или страх мести? Карьера или дружба? – герою повести придется решить, что важнее, самостоятельно, поступившись собственным душевным покоем.

Содержание

Никогда не выходи	5
Выключите сны	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Холод, или Взгляд Змеи

«She's got it!»

Андрей

Геннадьевич Юрьев

*С благодарностью Марату Искандерову, Алле
Кречетовой, Александре Грачевой*

*This is why I hate you and how I understand that no
one ever know or love another.*

«The Cure». «How beautiful you are»

© Андрей Геннадьевич Юрьев, 2016

Редактор Вячеслав Геннадьевич Моисеев

Корректор Людмила Константиновна Моисеева

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Вот почему я ненавижу тебя и как я понимаю
то, что никто никогда не знает и не любит других.*

Группа «Кьюр». «Как ты прекрасна»

Никогда не выходи

Мы поем «Нева мэри райлрод мэн, хи ловз ю эври нау энд зен...»¹ – и прыгаем, схватившись за руки. Ты хохочешь, как ты хохочешь, малышка наша, и вот уже просишь: «Дядя-медведь, покатай меня, я же принцесса!» Конечно, у каждой принцессы должен быть ездовой медведь, а то и дракон, как у моей волшебницы в «Айон»², видишь, вот, на экране? «У-у-у, какой быстрый, но не страшный совсем! Я не боюсь!» – конечно, чего же тебе бояться, ведь мы все здесь, с тобой, и тебе совсем нет нужды уходить в мир сказок...

«Ори, Ори, тебя ждуть на групповую арену?» – «Нет, Слав, у нас гостя из столицы! Меня долго не будет». – «Теперь веселье в реале? Ну поздравляю, грацки, давай, спешемся», – и странная девушка по имени Слава покидает приватный чат игры, хотя кто это тут странен?.. Да я, кто же? Для кого? Да для всего нашего многоподъездного дома.

Иногда мне кажется, что я для них так же странен, как Королек из одноименного рассказа Набокова, с той лишь

¹ «Never marry a railroad man, He loves you ev'ry now and then» – «Никогда не выходи замуж за железнодорожника, сначала он любит тебя, но потом...» (группа «Шокинг блю»).

² «Айон» – многопользовательская ролевая онлайн-игра.

разницей, что там обычное дегенеративное нечто подозревало молчуна-«отшельника» в печатании фальшивых денег. А здесь, сейчас (как сваливают психологи неподъемным грузом на живущих Там, Там и Тогда, Когда ты живешь в своем мире...) – вроде бы приличные люди, при детях-квартирах-машинах...

Надо уточнить. Пелевин уже постарался, описав путешествия по Внутренней Монголии бедолаги с Диагнозом, и миллионы подхватили название этой «территории». Знали бы, каково жить с иной вселенной во сне, а то и наяву, когда голова готова разлететься от заседания тамошней Лиги Наций, взывающей к обладателю их пространства одуматься и очнуться немедленно, не проваливаться опять в себя и не заводить жалобы на одиночество и непонятость. Да, я здесь, я сейчас схожу за хлебом конечно.

Пока ты спишь, устав от знакомств с соседками-ровесницами и буйных скачек на ездовом медведе, я схожу за хлебом, конечно, как и обещал. Это несложно – наушники в уши, любимые кьюры³ – и можно идти мимо соседей и дальше по дворам совершенно отстраненным, погруженным в мелодии, в тексты я обычно не вслушиваюсь, потому что если все время бубнить про себя текст, недолго начать

³ «The Cure» – культовая английская софт-панк-группа, ее музыканты также считаются основателями готик-рока.

шептать его вслух, что, согласитесь, уже совсем невыносимо для случайных встречных...

Магазин. Что «магазин»? «Масло подсолнечное «Злато», большую бутылку. И... ммм... сок виноградный. Да. Этот-этот, «Добрый». Я не знаю, почему продавец хмыкает и переглядывается с товарками, мне не до этого, потому что я отчаянно пытаюсь придумать, чем же развлечь таким особенным нашу маленькую гостью из столицы. Что-то мешает, сбивает с одной мысли, планы всплескивают, Внутренняя Лига Наций до хрипоты и истерики, перебивая друг друга, обсуждает замысел...

А, нет. Уже почти все – вот наш двор, и... Проснулась, гуляете с дедом? О-о-о, хха-а! Рргх! Медведь догонит принцессу!

Они придумали открывать дворики. Турнички, лесенки, качели, горка. В нашем дворе горка не такая уж высокая, и вместо перекладин по ее бокам не такие уж толстые прутья. От земли не высоко и не низко, в самый раз, чтобы...

Вот и ты бежишь к компании таких же шумливых непосед.

Как защемило сердце...

Уселись на перекладинке стайкой птенцов, и вот один, крепко вцепившись в нее ручонками, перекувыркивается назад, через спину.

«Смотри, медведь, как я умею!» – и разжала обе руки.

Обе. Разжала.

Я смотрел на твой полет, и что-то рвалось в груди. Этот полет спиной навстречу земле и осиновый кол, вбиваемый мне в сердце. Свинец, заливающий глаза, чтобы не видеть твои расширившиеся зрачки и округлившийся рот и не слышать «о-о-о-о-ах», летящее из-за тысячи километров эхом камнепада...

Еще я помню мамочек, прижавших к себе своих малышей, и бесконечно длинную тропинку по пути в подъезд, бесконечную, и качнуть тебя на руках было нельзя, и драгоценную ношу нес, летел...

Все смотрел в твое краснеющее лицо, пока ты задыхалась. Успеть бы к телефону, там, у нас, на восьмом этаже, к черту лифт, скорее по ступенькам вверх, «скорую», «скорую»!

«Скорую»...

«Успокойтесь, дядя, с племянницей вашей все в порядке. Ушиб мягких тканей. Пусть полежит немного, и все пройдет».

Сотрясения нет – и что-то закричали в голове тысячи голосов, какую-то ассамблею собирали, решали, что будет. А ничего, ведь ты проездом к другой бабушке и будешь там... будешь... Да кто ж присмотрит за тобой? Бабка? Да есть ей дело?! У нее кроли и помидоров полон огород!

И ты уже едешь домой-домой, ура-ура, там речка и лесок!

«Слава, я, наверное, долго поотсутствую. Да, знаешь, как-то опротивело в игре. Родители лупят друг друга в виртуале, пока дети без присмотра носятся. Жди меня, и я вернусь. Не пройдет и полгода».

Что я буду делать? Я буду все так же сидеть у распахнутого в жару окна и мертвым взглядом следить, как резвятся на дворовой площадке такие вот топ-топ-топ-не плачь-поднимайся.

Потому что я никому ничего не могу объяснить.

Потому что Диагноз. Черный браслет на ноге – перемеще-

ния не дальше магазина.

Четыре сотрясения, чрезмерное утомление от работы – и готов Диагноз. Такова версия для неумно любопытных.

А вы говорите. Да, вы говорите «Это же «Шизгара»⁴, мать вашу, и даже изволите улыбнуться навстречу.

⁴ «She's got it, your baby, she's got it» – «Она может, твоя малышка, она может это». Легендарная песня «Венера» все тех же «Шокинг блю»

Выключите сны

Я включаю телевизор. Меня пробирает дрожь – мало было Брейвика, расстрелявшего своих... ну соотечественников, что ли?.. Мало американцев, стреляющих в одноклассников, – теперь и в Москве «такой тихий, замкнутый» взял в заложники охранника школы...

Этого могло бы не случиться, если бы Служба Терапии тщательнее контролировала наблюдаемых, если бы склонных к насилию отсекали еще до того, как...

Двадцать лет назад Лайден Мортон, старший инспектор Службы Терапии, потерял сына – и СТ долго была мягкой и предупредительной в отношении нас, тех, кто... ммм... «не от мира сего», как вы говорите.

Вы так старались признать за нами право на существование, до вас дошло, о чем Набоков написал продирающее до слез «Приглашение на казнь», потом и «Защиту Лужина» – и мы, погрузившиеся в глубину своих внутренних миров, стали этому миру роднее и понятнее.

И вот опять.

В тихом омуте черти водятся – и все тут. Тайны психики идут под нож одной поговорки.

Я, кажется, когда-то «жил». Работал, любил, ходил в гости к друзьям. Я даже ухитрился сделать карьеру в своей профессии и забраться очень высоко, очень далеко – почти к самым башням со звездами... «Смерть на взлете» и протяжные крики ночами – «за что?!», «почему я?!» Помню, мы шли с женой брата с остановки – я встречал ее с поезда из столицы – и у нашего подъезда... Сколько там вас было? Шестеро, семеро? Примолкли и вдруг в спину: «Я, говорит, с Президентом водку пил!» И хоровое «уа-ха-ха!»

В голове что-то взорвалось, но гостья крепко сжала руку и потянула, прошептала: «Не надо, их много!» Я только уступил женщине. Вот было бы весело – тихий, незаметный, напал на группу... мирных соседей. Так, наверное... Или кем вы там себя считаете по отношению ко мне?..

Нет, с Президентом я не пил. Только с аналитиками – с теми, кто ночами менял реальность. Ночью готовились предложения действий – утром их подавали в президентские палаты вместе с дайджестом новостей – в обед там, за окном, потоки пешеходов и машин двигались теми же путями, но уже в другой жизни...

Собственно, когда я впервые сел за «монитор событий» – тогда и началась эта история.

Он подошел, что-то намурлыкивая под нос и поправляя очки, я тихо пропел: «Зря-тты-ддуммаешшь-о-смер-ти...» Он рассмеялся: «Ничего себе, одновременно!» – и зовут его, как ни странно, точно так же. Тезка. Этакий Tezz, как сверкнуло молнией в уме.

Обязанности мне объясняли и Tezz, и начальник департамента, указывая по ходу работы на ошибки и недостатки: надо было из массы новостных и обзорных сообщений выбирать наиболее интересные, в соответствии с заданными ключевыми темами, и уже в теле отобранного текста выделять главную мысль. Все это поступало на общий сервер, откуда группы аналитиков забирали в свои критические блоки тот или иной материал, и уже от них, полностью собранные, с отсеянными и высвеченными мыслями, аналитические записки попадали на стол начальнице.

Иногда мы ждали до трех-четырех ночи, пока окончатся торги на международных биржах, чтобы уяснить, как мир отреагировал на заявления, предложенные начальницей вчера. Иногда – как отреагировала наша страна во всех часовых поясах на поездку Верховного в очередную тмутаракань. Tezz, начальник поддепартамента, каждый раз просил подождать:

«Ну еще полчаса, ну двадцать минут, ну не засыпайте, вот уже на подходе новостной блок!» – и мы с дизайнером печатной версии записок глушили кофе, пропитываясь табачным дымом...

А Милена... Ну что Милена? На то она и Милена, чтобы сражать всех классической русской красотой... Не умею я создавать словесные портреты! Вот черта в ней была, достоинка, черта, от которой теряли голову просто взглянувшие на нее: величественная и грозная, в длинном кожаном плаще, как у Тринити в «Матрице», при каждом звонке сотовика так взмахивала своей прекрасной головой, что белоснежные волосы разлетались, блестя на солнце, и в глазах ее читалось изумление: кто это может беспокоить меня, Меня???

Она ходила по моей съемной однокомнатной, с обшарпанными обоями и столетней мебелью, ходила в одной моей рубашке и опять твердила кому-то на том конце сотовой связи: «Звони, звони ему, так и скажи: если вы не предложите нам что-то около названной нами суммы, материал уйдет в печать! Все. Жду». «А никто не устроит подставу – вы за деньгами, а вас вяжут?» – интересовался я просто на всякий случай, хотя бессмысленно было отговаривать ее от очередных звонков и новых статей – то ли на самом деле написанных для публикации, то ли для таких вот беспроектных предложений...

Рубашка моя – это так, не спал я с ней, не спал, хоть всем городом поднимайтесь против одного «тихого» и «пробивайте по братве», с кем жил там, в столице, этот замкнувшийся почти безвылазно путаник, что не в состоянии в магазине подобрать себе набор продуктов в соответствии с одной смысловой линией, – множество смыслов одного ключа, «марки одной серии».

Не спал, потому что порой всю ночь, глядя в потолок в попытке высмотреть таинственные узоры, болтали почти до рассвета, и Милена со второй кровати – вот странно, стул в квартире при съеме был один, стол один, шкаф один, а кровати две, вот же ж роскошь, – приподнявшись на локте, все выпрашивала повести провинциального прошлого...

«Представляешь, а Tezz сегодня...» – «Tezz, Tezz, дался тебе этот Tezz, вы там скоро друг другу в объятия проситься начнете от взаимного восхищения», – ревность, что ли, ее обуяла, нет, другая, дружеская ревность, когда под сердце попадает сноп игл при упоминании другого друга... Ну и пусть.

Иногда, и невозможно было предугадать, когда, – иногда мы засиживались до середины ночи с Tezz'ом и потом, ошалевшие от кофе, шли в Галерейный ресторанчик у одно-

именной станции метро, и после ма-а-аленькой такой порции «Кровавой Мэри» он все выпрашивал меня, нет ли у Милены подружки, ну не такой шикарной, но все же, и желательно западающей на Умных. Сссс, вот как-то щемило при этом под сердцем, нет, дружище, все ее и мои подруги там, в Ори, – «понятно, прямо разлука ты, разлука, чужая сторона» – хех, ага, как видишь, и рок-н-ролл до Кремля доводит, да – «да, вижу, вижу...»

«Кровавая Мэри» уносит печали...

Помню, кровь у меня шла носом.

«Я не могу тебя отпустить домой, не могу! – тихо и жестко твердила начальница. – Пойми меня, ты нам нужен здесь и сейчас!» Что ж... А разговор из-за того, что готовим закрытый информационный продукт, второй день готовим, без сна, да, кровь носом, и все, готовившие его, дали подписку о неразглашении, и Наш Самый Главный уже пятый раз подряд заворачивает всю работу и требует собраться, подтянуться и дать, наконец, четкую картину отношения жителей страны к Объединенному Имарату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.